

Шэнь Цинжань испуганно округлил глаза: от этого поцелуя у него голова пошла кругом, а мысли окончательно разбрелись в разные стороны. Он упёрся ладонями в широкую грудь Сюэ Фэйфэна, но так и не осмелился толкнуть его со всей силы.

Сюэ Фэйфэн сейчас одной рукой крепко удерживал его за подбородок, а второй — намертво сжимал его ладонь, так и не выпустив её с того самого момента, как догнал на тропе.

Если он сейчас его оттолкнёт, то Сюэ Фэйфэн, оставшийся без опоры на костыли, разве не рухнет со всего размаху на землю?

«У-у-у, Сюэ Фэйфэн, ты просто невыносимый подлец! Мало того что целуешь меня без спросу, так ещё и вместо костыля используешь!»

Шэнь Цинжань затаил дыхание, а его щёки тут же окрасились двумя яркими пунцовыми пятнами, румянец от которых стремительно разлился по всему лицу.

«Спокойно! Сюэ Фэйфэн целует свою законную жену! Ко мне это не имеет абсолютно никакого отношения!»

До его ушей доносился тихий шёпот Сюэ Фэйфэна. Этот невероятно сексуальный, низкий голос в сочетании с красивым лицом, находящимся в считанных сантиметрах от него, заставил сердце Шэнь Цинжаня пуститься вскачь, словно по его струнам со всего размаху потопталось стадо диких быков. Ритм окончательно сбился, пульс стучал всё быстрее, во рту мгновенно пересохло, а сердце, казалось, вот-вот выпрыгнет прямо через горло.

Да после такого кто вообще посмеет заикнуться о жажде?!

Шэнь Цинжань судорожно сглотнул, его сознание превратилось в полнейший хаос, и лишь спустя какое-то время он наконец расслышал вопрос Сюэ Фэйфэна: «Всё ещё хочешь пить?»

— ... — Шэнь Цинжань окончательно запутался.

Разве так... утоляют жажду?

В его голове внезапно всплыла древняя идиома «делиться последней влагой», описывающая, как во время засухи, когда родник полностью иссяк, две рыбы на суше из последних сил пускают пузыри, дабы смочить и поддержать тела друг друга.

Что ж, у этого поступка, оказывается, есть вполне историческое обоснование и классический прецедент!

Выходит, Сюэ Фэйфэн в порыве отчаяния просто решил последовать примеру из древней притчи?

До чего же они с Сюэ Фэйфэном, оказывается, нищие и несчастные, раз им приходится прибегать к столь экстремальным методам, дабы поддерживать друг друга и справляться с невзгодами. В глазах Шэнь Цинжаня невольно отразилась вся экзистенциальная тоска и уныние, присущие бедным супругам, у которых вся жизнь — сплошная череда страданий.

Сюэ Фэйфэн, поддавшись внезапному импульсу, совершил поступок, которого сам от себя никак не ожидал. Сейчас он лишь внешне казался невозмутимым, а внутри у него всё трепетало от страха. Мужчина, не мигая, пристально следил за реакцией Шэнь Цинжаня и заметил, как в уголках его глаз промелькнула глубокая, щемящая грусть.

И что это за реакция такая?

Человека поцеловали, а он из-за этого расстроился? Неужели в этот момент думал о ком-то другом?

Искать причины своего безрассудного порыва теперь было делом бесполезным. Раз уж поцеловал — значит поцеловал, Сюэ Фэйфэн не собирался копать в причинах, для себя он твёрдо решил одно: отныне он обязан взять за Шэнь Цинжаня полную ответственность.

Но для начала нужно, чтобы сама Шэнь Цинжань была не против.

Шэнь Цинжань аккуратно высвободил ладонь из хватки Сюэ Фэйфэна и поспешно вывел на его руке: «Отныне я буду усердно работать в поле и трудиться».

Сюэ Фэйфэн хотел услышать совсем не это:

— Тебе не нужно пересиливать себя и принуждать.

Шэнь Цинжань снова опустил голову и вывел: «Пожалуйста, пусть это больше не повторится».

Если такое произойдет ещё раз, он просто больше не сможет с чистой совестью продолжать носить женское платье — это будет выглядеть так, будто он нагло пользуется мужской привлекательностью Сюэ Фэйфэна в корыстных целях.

Слыша, с какой серьёзностью Шэнь Цинжань «говорит» эти слова, Сюэ Фэйфэн лишь лишний раз утвердился в своих подозрениях. В его душе на мгновение вспыхнуло глухое раздражение. Он уставился на изящную, белоснежную шею парня и хмуро спросил:

— Тебе больше нечего мне сказать?

Ресницы Шэнь Цинжаня мелко задрожали, и он поспешно покачал головой: «Нет». Если Сюэ Фэйфэн узнает всю правду, он точно придет в ярость и с позором выставит его за дверь.

До чего же он всё-таки бесстыдный и ленивый трутень!

Стоило Сюэ Фэйфэну сказать пару ласковых слов, как он тут же позабыл о всей своей непоколебимой решимости уйти.

Сюэ Фэйфэн глубоко вздохнул. Глядя на этот очевидный, бьющий через край виноватый вид, ему безумно захотелось сорвать с этого парня маску, повалить на колени и хорошенько отшлепать по заднице.

Но Шэнь Цинжань упорно молчала, а Сюэ Фэйфэн не хотел давить на нее и устраивать допрос. Вдруг перегнёт палку? Ведь такой ранимый и обидчивый, возьмет и снова сбежит из дома — что тогда делать?

Да и какая, к чёрту, разница, чей это ребёнок? Главное, что сама Шэнь Цинжань принадлежит ему. А копать в прошлом — только вредить настоящему.

Словно боясь, что сам же нарушит данное обещание, Шэнь Цинжань снова вывел на ладони мужа: «Я обязательно буду работать».

Выражение лица Сюэ Фэйфэна в этот момент трудно было описать словами. Он решительно не мог вообразить Шэнь Цинжаня, вспыхавшего искренней любовью к сельскому хозяйству —

горбатого, как известно, только могила исправит.

С другой стороны, если эта лентяйка вдруг так резко переменялась в характере, то ради чего ещё это могло произойти...

Сюэ Фэйфэн пристально смотрел вслед Шэнь Цинжаню, который уже зашагал обратно к дому.

В его голове упорно крутилась лишь одна-единственная фраза:

«Становясь матерью, женщина обретает железную стойкость».

От этой мысли у генерала аж желудок свело от невыносимой, жгучей зависти. Ладно, всему своё время, они со всем разберутся постепенно.

За сегодняшний день Шэнь Цинжань вымотался просто смертельно. Он чувствовал себя так, словно его только что выудили из реки. Стоило горному ветру подуть сильнее, как пропитанная потом грубая одежда намертво облепила тело, вызывая жуткий зуд, раздражение и озноб.

Шэнь Цинжань почесал предплечье — на его белоснежной, нежной коже тут же проступили крупные красные пятна.

Идти дальше не было никаких сил, ему безумно, до крика хотелось принять горячую ванну.

Сюэ Фэйфэн уже бесчисленное количество раз предлагал донести его до дома на закорках, но Шэнь Цинжань каждый раз упрямо отказывался.

Ну как он может позволить калеке тащить себя на спине? Парень упрямился, хотя сам едва передвигал ноги. Во время редких привалов он, тяжело дыша, усаживался прямо на землю и принимался усердно массировать бедра и икры Сюэ Фэйфэна.

Это ведь всё из-за него и его дурацких капризов! Сюэ Фэйфэн только-только добрался до дома, как ему пришлось без отдыха бросаться в погоню, так что он гарантированно устал в сто крат сильнее.

Мягкие, тонкие пальцы без единой косточки плавно массировали мышцы от коленей до самых икр. Сила нажатия то ослабевала, то усиливалась совершенно хаотично — эти движения походили на лапку маленького котёнка, который лениво играет с клубком шерстяных ниток.

От этих прикосновений по бедрам мужчины вверх поползла волна такой сладостной, щекочущей истомы, что дыхание Сюэ Фэйфэна мгновенно перехватило. Он резко перехватил шаловливые пальцы парня:

— Цинжань, не нужно.

Шэнь Цинжань с беспокойством вскинул на него глаза. Промокшие от пота пряди волос облепили его раскрасневшиеся щёки. Решительно убрал руку Сюэ Фэйфэна, он принялся, словно порхающая стрекоза, едва касаясь кожи, выводить на его бедре: «Больно?»

Он ещё и умудряется писать в таком месте?! Все мышцы на ногах Сюэ Фэйфэна в одно мгновение одевенели:

— Не больно. Отдыхай лучше сама. Я к такому привык, мне не тяжело.

Шэнь Цинжань сокрушённо вздохнул и принялся заботливо дуть на колени Сюэ Фэйфэна. Раз

уж мышцы так сильно зажаты, значит, этот упрямец уже очень долго терпит жуткую боль! Шэнь Цинжань прекрасно помнил ту дикую, скручивающую судорогу в икрах, которую он однажды поймал во время плавания, а потому сопереживал мужу всем сердцем.

Это его слабое, едва ощутимое «ху-ху» не способно было пробиться даже сквозь плотную ткань грубых портов и уж точно уступало по силе ледяному горному ветру. Однако Сюэ Фэйфэну казалось, будто этот тёплый поток воздуха направлен прямоком в его грудную клетку, мгновенно разжигая там бушующее пламя.

Да у этой Шэнь Цинжань, судя по всему, просто сил вагон и маленькая тележка, раз она находит время и энергию так изводить его посреди дороги!

Сюэ Фэйфэн резко поднялся на ноги:

— Всё, привал окончен. Нужно поторапливаться, чтобы засветло добраться до дома.

Стоило парню услышать эти слова, как с его лица мгновенно испарились все милые эмоции, уступив место выражению глубочайшей скорби и вселенской обиды.

Сюэ Фэйфэн подхватил Шэнь Цинжаня за предплечье и лёгким движением вздёнул его на ноги:

— Пошли.

Парень уныло поплёлся следом, напоминая огромного ленивого кота, у которого мало того что отобрали любимую игрушку, так ещё и в приказном порядке велели переловить десяток мышей.

В глубине очага всё ещё теплились угли, а в котелке оставалась немного тёплой рисовой каши. Поскольку Сюэ Фэйфэн бросил всё и ушёл в спешке, не загасив огонь, на дне кастрюли образовался толстый, намертво пригоревший слой угольной корки.

Шэнь Цинжань наскоро проглотил пару ложек риса и сразу же вознамерился отправиться мыться. Ему было лень возиться с дровами и греть воду, но Сюэ Фэйфэн со всей решительностью усадил его обратно на стул, велел дожидаться, пока он сам не приготовит кипяток.

Раздувая пламя, Сюэ Фэйфэн как бы между прочим спросил:

— Как там твоя рана на животе?

Шэнь Цинжань забежал глазами. Именно из-за этого злополучного вопроса они с Сюэ Фэйфэном едва не разошлись навсегда. Что ж, если муж так сильно настаивает на осмотре, пускай смотрит, так и быть.

Он резко вскинул руку и плотно закрыл ладонью глаза Сюэ Фэйфэна, оставив лишь крошечные щелочки между пальцами. Убедившись, что тот тактично и послушно зажмурился, парень убрал руку, поспешно развернулся к нему спиной и принялся развязывать пояс своего верхнего платья. Он аккуратно присобрал полы одежды на уровне рёбер и крепко прижал их к груди, тщательно следя за тем, чтобы, за исключением низа живота, всё остальное тело было плотно укутано и не открывало ни малейшего лишнего зазора.

Шэнь Цинжань повернулся обратно и легонько пнул Сюэ Фэйфэна носком туфли: мол, готово,

можешь смотреть.

Стоило Сюэ Фэйфэну открыть глаза, как его взору предстала жуткая синева на животе Шэнь Цинжаня. Из-за долгой ходьбы и отсутствия своевременного лечения, усугублённого постоянным трением о грубую ткань одежды, его излишне нежная кожа сильно пострадала: сквозь фиолетово-багровый кровоподтёк отчетливо проступали тонкие налитые кровью прожилки, а само место удара заметно припухло, образовав плотную шишку. К тому же на пояснице у него тоже виднелся старый след от ушиба — складывалось ощущение, что этот парень вообще не вылезает из синяков.

Сюэ Фэйфэн изо всех сил подавлял бушующий внутри гнев. Видя, с каким полнейшим безразличием Шэнь Цинжань относится к собственному телу, он не удержался и принялся отчитывать его на чём свет стоит:

— Раз повреждение такое серьёзное, какого чёрта ты в пещере наотрез отказалась наносить снадобье?!

Попав под горячую руку разгневанного генерала, Шэнь Цинжань испуганно замялся и попытался поспешно запахнуть одежду, сделав шаг назад.

Однако Сюэ Фэйфэн уже успел перехватить край его платья. От этого резкого движения Шэнь Цинжаня назад тщательно уложенные полы одежды мгновенно распахнулись, натянувшись широкой дугой — теперь любому, кто просто опустил бы взгляд, открылась бы во всей красе его широкая мужская грудь.

Шэнь Цинжань в панике скрестил руки на груди, пытаясь прикрыться.

Сюэ Фэйфэн строго оборвал его:

— Не вертись! Не хватало только, чтобы ткань снова присохла к разодранной ране.

Мужчина постарался смягчить тон — куда уж тут ещё демонстрировать суровый нрав перед этим хрупким созданием:

— Я ведь просто переживаю за тебя. Живее иди мыться, а после ванны подходи ко мне, я сам нанесу лекарство.

Уже во время обработки раны Сюэ Фэйфэн снова предпринял попытку выяснить, чьих именно рук это дело. Шэнь Цинжань до смерти боялся, что если он проболтается, это неминуемо потянет за собой историю с его «двоюродным братом», а потому принялся отчаянно жестикулировать, уверяя, что сам ничего не помнит: мол, прибежал какой-то благородный странствующий рыцарь, отделал погромщиков так, что те улепётывали сверкая пятками, так что дело прошлое, и бог с ними.

Сюэ Фэйфэн ни на секунду не сомневался, что Чан Бай высыпал тем мерзавцам по первое число и уж точно не проявил малодушия, но в его понимании этого наказания было ничтожно мало.

Он уже мысленно планировал под покровом ночи отправиться в деревню и устроить погромщикам повторную показательную порку, но Шэнь Цинжань, словно почуяв неладное, крепко ухватился за его рукав и принялся настойчиво требовать от мужа клятвенных заверений, что тот не станет ввязываться в неприятности.

В противном случае он просто не позволит продолжить обработку раны.

Не знающему преград и компромиссов Сюэ Фэйфэну оставалось лишь сокрушённо и обиженно уступить его требованиям.

Шэнь Цинжань в этот момент внутренне возликовал — похоже, он совершенно случайно нащупал невероятно действенный способ манипуляции этим грозным мужчиной.

Ещё до своего грандиозного побега в город Шэнь Цинжань всюду грезил о том, как станет хвастаться перед Сюэ Фэйфэном своими грандиозными успехами на ниве сельского хозяйства. Поэтому на следующее утро, едва проснувшись, он тут же знаками объявил мужу, что им пора отправляться на плантацию сахарного тростника.

Сюэ Фэйфэн высказался категорически против:

— Тебе сейчас нужно сидеть дома и как следует залечивать раны. Завтра приедут купцы и скупят весь тростник под чистую, так что эта работа никуда от нас не убежит.

Но Шэнь Цинжань упрямо стоял на своём. Раз уж он так бесстыдно и нагло вернулся под крыло Сюэ Фэйфэна, ему просто необходимо было продемонстрировать хоть какую-то пользу и искренность своих намерений.

Генералу ничего не оставалось, кроме как покорно поплестись следом.

Стоило им добраться до поля, как Шэнь Цинжань тут же согнулся в три погибели, намереваясь самостоятельно перетащить огромную охапку связанных листьев тростника. Сюэ Фэйфэн в ужасе выкрикнул:

— Осторожно, руки порежешь! Оставь, я сам всё сделаю.

Шэнь Цинжань расплылся в лучезарной улыбке и уставился на Сюэ Фэйфэна преданным взглядом: мол, ну же, похвали меня скорее!

На Сюэ Фэйфэна снизошло истинное озарение, и он со всем возможным красноречием принялся расточать самые высокопарные комплименты.

От такой похвалы у Шэнь Цинжаня кровь прилила к голове, дух соперничества и трудовой энтузиазм взлетели до небес, и он в один присест сгрёб в охапку сразу три тяжелых снопа. В этот миг он до безумия напоминал маленького ребёнка, который послушно съел всю кашу, получил одобрение взрослых и теперь от переполняющей его гордости готов уплетать обед тройными порциями.

Сюэ Фэйфэн уже сто раз пожалел, что так расщедрился на комплименты:

— Не вздумай растревожить рану на животе! Живее брось это на землю. У нас ведь теперь есть отличная ослиная повозка, посиди здесь и подожди, я быстро вернусь в деревню и пригоню телегу сюда.

В этот самый момент на дальнем горном тракте неторопливо показалась чужая ослиная повозка, на которой с явным трудом были закреплены несколько огромных деревянных сундуков. Телегой управляла немолодая супружеская пара, а позади них на вещах восседали двое молодых людей — брат и сестра.

— Ой, а это ещё кто такие? — Крестьяне, трудившиеся на соседних наделах, побросали мотыги и принялись удивлённо всматриваться в даль. — Что-то я этих лиц раньше у нас не видывал.

— Так Сунь-второй ведь свой участок с тростником продал, а перед самым отъездом и от дома избавился. Я на днях как раз у старосты был и своими глазами видел, как Сунь документы подписывал. Это, почитай, новые жильцы к нам пожаловали. Надо же, целое семейство из четырёх человек!

— А девка-то у них на диво хороша собой! У твоего Да Нью как раз срок подошёл невесту в дом искать, как по мне — этот вариант просто идеальный... — Для того чтобы быстро и безболезненно пустить корни в Лицзяцунь, родство через брак всегда считалось самым надёжным и проверенным способом.

— Да ну тебя к лешему! Брать бабу нужно из тех, кого с пелёнок знаешь. А то ишь, понаедут тут девицы с красивыми мордашками: руки из одного места, мешка муки поднять не могут, зато запросов — выше крыши!

Шэнь Цинжань даже не подумал обижаться на эти явные, завуалированные шпильки в свой адрес. Всё его внимание, до капли, было приковано к медленно приближающейся телеге. Он был настолько поглощён этим зрелищем, что даже не заметил, как к нему вернулся Сюэ Фэйфэн.

Это же главная героиня!

Та самая героиня оригинального романа, которая вместе со всей семьёй бежала от ужасов войны и решила обосноваться в их глухомани!

Сердце Шэнь Цинжаня бешено забилося от переполнявшего его восторга, эмоции рвались наружу, но высказать их вслух он не мог, а потому со всей силы прикусил собственный палец, едва не разрыдавшись от избытка чувств.

Раз уж главная героиня наконец-то соизволила явиться, значит, появление в этом мире сочных арбузов без косточек — лишь вопрос самого ближайшего времени!

Он принялся лихорадочно копаться в чертогах своей памяти, тщательно сверяя внешность и состав проезжающего семейства с сюжетом прочитанной книги.

Всё сходилось до мельчайших деталей!

Лицо девушки было мертвенно-бледным, а сама она выглядела хрупкой и слабой, словно тростинка на ветру. Шэнь Цинжань прекрасно знал истинную причину её недомогания: бедняжка совсем недавно сильно пострадала, ударившись головой, после чего в её теле и очнулась душа нашей современницы.

Что же касается её братца, который сейчас сидел рядом с важным видом и в приличных одеждах, то этот чистоплюй, вечно кичащийся знанием священных конфуцианских канонов, на проверку окажется редкой тварью. Ему покажется, что на телеге слишком тесно и неудобно, и во время преодоления очередного крутого склона он «совершенно случайно» толкнет родную сестру под колёса.

В глазах Шэнь Цинжаня вспыхнули слёзы искреннего, предвкушающего восторга, а в голове в ту же секунду соткалась добрая сотня гениальных планов по налаживанию контакта с героиней. Каждый из этих планов казался ему верхом совершенства.

Парень в экстазе так сильно сжал челюсти, что почувствовал резкую боль в собственном указательном пальце, после чего принялся усердно тереть его о ткань на животе, пытаясь

унять неприятные ощущения.

Сюэ Фэйфэн стоял неподалёку и уже добрых несколько минут тщетно пытался привлечь к себе хоть каплю внимания Шэнь Цинжана.

Подумаешь, телега с ослом! Их собственное домашнее транспортное средство было куда новее, чище и презентабельнее, с чего бы это Шэнь Цинжаню с таким неприкрытым вождением заглядываться на чужую развалюху?

Великий генерал, включив режим предельной боевой готовности и вооружившись тем самым критическим взглядом, которым он обычно инспектировал построение трёх родов войск, уставился на злополучную повозку, посмевшую украсть внимание его супруги.

И стоило ему присмотреться, как его лицо мгновенно стало бледнее грозовой тучи.

Сидящий на телеге молодой книжник выглядел весьма утончённо и благообразно. Однако Сюэ Фэйфэн за годы службы повидал несметное количество людей и с первого взгляда сумел раскусить его насквозь эгоистичную, гнилую натуру. Стоило повозке притормозить, как этот тип, абсолютно не заботясь о том, что его родная сестра всё ещё находится на облучке, лихо спрыгнул на землю. Телега от его резкого движения сильно качнулась, и несчастная девушка с глухим стуком вывалилась из повозки прямо в дорожную пыль.

Сюэ Фэйфэн краем глаза внимательно отслеживал малейшие изменения в поведении Шэнь Цинжана.

Его «супруга» отродясь не проявляла ни малейшего интереса к деревенским сплетням и местным жителям. Но стоило на горизонте появиться какому-то заезжему хлыщу с смазливой мордашкой и волчьим сердцем — из тех, что наверняка успели разбить не одно девичье сердце, — как Шэнь Цинжань словно подменили.

Она впилась в незнакомца таким взглядом, словно знала этого человека добрых восемь жизней подряд, при этом его ладонь неосознанно поглаживала собственный живот, а во всём ее облике читалось трепетное, волнительное ожидание.

Сюэ Фэйфэн со всей решительностью и властным изяществом сделал шаг вперед, полностью перекрыв своим широким телом обзор Шэнь Цинжаню, и ледяным тоном спросил:

— Ты что, знакома с ним?

<http://bllate.org/book/17933/1731764>